

М.И.Левина,
кандидат юридических наук,
Московская высшая школа
социальных и экономических наук

"Зеркала" средств массовой информации: преломление публичного и частного

За последнее десятилетие одним из наиболее динамично развивающихся направлений в праве и законодательстве стало право средств массовой информации. Более того, большинство действующих законов появилось после принятия Конституции РФ 1993 г., тогда как закон "О средствах массовой информации" был принят еще в 1991 г. и по-прежнему остается одним из наиболее сбалансированных и эффективных законов.

Право на свободу слова, на распространение и получение информации, запрет цензуры являются ключевыми элементами демократического общества как при его становлении, так и при его развитии. Их значение настолько очевидно, что нет необходимости останавливаться на этом. Важно подчеркнуть лишь то, что право средств массовой информации возникло лишь тогда, когда появилось и реально стало осуществляться право на свободу слова в самом широком смысле (которое включает не только право свободно выражать свое мнение, но и право на распространение и получение информации, свободу СМИ, свободу художественного и научного творчества и некоторые другие аспекты).

Вокруг права СМИ ломается много копий: предлагаются поправки в закон "О средствах массовой информации"; идут ожесточенные споры о создании наблюдательных советов на основных телевизионных каналах; рассматриваются бесконечные иски о защите чести и достоинства. В преддверии новых избирательных кампаний эти и многие другие вопросы обостряются еще в большей степени.

Одной из центральных становится проблема преломления публичного и частного в средствах массовой информации. На первый взгляд разграничение того и другого не представляет ни малейшей трудности. Однако СМИ — своего рода искаженные зеркала, в которых предметы меняют свой облик и очертания, в том числе сферы публичного и частного претерпевают самые причудливые изменения.

Трудность состоит также в том, что ценность частной сферы, частной семейной жизни человека, ее охрана и защита еще слабо осознаются в нашем обществе. Практически до недавнего времени

понятие частная жизнь не признавалось, да и не существовало, а интимнейшие подробности становились достоянием всеобщего внимания и обсуждения. Хотя сегодня многое изменилось, но можно сказать, что роль былых парт- и профсобраний заменили публикации в СМИ.

Все сведения, сообщаемые в СМИ, можно разделить на относящиеся к частной сфере или же к публичной сфере. Существует замечательный афоризм: "То, что является публичным, не является частным; то, что является частным, не является публичным" (what is public is not private and what is private is not public)¹. На первый взгляд может показаться, что категории частное и публичное противоположны друг другу. Однако когда речь идет о СМИ, эти категории просто не могут быть противопоставлены одна другой — в "искаженных зеркалах" СМИ они отражаются самым специфичным образом.

Прежде всего, необходимо определить, какие сведения относятся к сфере публичного и какие — к сфере частного. К сведениям публичного характера, как правило, относят записи актов гражданского состояния, разного рода персональные данные (собранные с самыми разными целями — от статистических данных до учета в налоговой инспекции), государственные архивы, материалы судебных заседаний и т.п. Подобного рода сведения являются публичными хотя бы в силу того, что они необходимы для осуществления государством своих функций; многие такие сведения доступны или подлежат общественному контролю; отношения, возникающие в данной сфере, регулируются законами общего (публичного), а не частного характера.

Однако возникает вопрос: "Дает ли это основания для обнародования такого рода сведений в СМИ?" Представляется, что во многих случаях ответ должен быть отрицательным. Например, обнародование сведений об усыновлении ребенка; сведений, позволяющих идентифицировать жертву изнасилования; публикация списка присяжных или показ юс лиц по телевидению несомненно будут нарушением неприкосновенности частной жизни или других прав и законных интересов граждан. Несмотря на "публичный" характер, эти сведения (регистрация гражданского состояния, судебное разбирательство по факту изнасилования, осуществление правосудия судом присяжных) не должны подлежать обнародованию.

К частной сфере относятся сведения о семейной, личной жизни человека, о здоровье, а также право человека распоряжаться собой, своим телом (например, право женщины на аборт), своим изображением, своим именем и т.д. Ст. 23 Конституции РФ закрепляет за каж-

¹ *Paton-Simpson E. Private Circles and Public Squares: Invasion of Privacy by the Publication of "Private Facts" // Modern Law Review. 1998. Vol. 61. N 3. P. 320*

дым "право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну", а в ст. 24 говорится о том, что "сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются". Аналогичные нормы содержат и международные документы о правах человека. Означает ли это, что сведения частного характера не могут быть обнародованы в СМИ?

Можно ли, например, сообщать сведения о том, что некое избранное должностное лицо построило себе скромный дворец на деньги налогоплательщиков, а дети, жены (братья, сестры, племянники и т.д.) этого (или другого должностного лица) являются владельцами частных предприятий, получающих в том или ином виде заказы и средства от своих высокопоставленных родственников? При этом речь идет не только о должностных (как выборных, так и назначенных) лицах, не только о скандальных подробностях личной жизни поп-звезд, которыми заполнены страницы "желтой прессы", но и об информации другого рода, например, имеют ли врачи право знать, что их пациенты являются ВИЧ-носителями? Могут ли социальные работники вмешиваться в жизнь семьи, чтобы оказать помощь ребенку, к которому применяется насилие со стороны родителей, или для того, чтобы установить степень нуждаемости в оказании помощи? Наконец, сведения, носящие частный характер, могут представлять значительный общественный интерес.

Однако, как правило, если СМИ нарушают право на неприкосновенность личности, редко (у нас практически никогда) предъявляются иски о защите данного права. Обычно предъявляются иски либо о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства (ст. 152 ГК РФ), либо о клевете или оскорблении в порядке уголовного судопроизводства (ст. 129, 130 УК РФ). В этом смысле можно сказать, что честь и достоинство являются внешним выражением, своего рода пограничным рубежом частной жизни человека, защищаемой правом. По существу дела, речь идет о диффамационном праве. В настоящее время значение диффамационного права явно недооценивается, тогда как оно является ключевым звеном во взаимоотношениях личности и государства. Постараюсь пояснить каким образом.

Следует упомянуть, что ни в законодательстве, ни в юридической литературе нет четких определений таких понятий, как "честь", "достоинство", так что судьям часто приходится прибегать к словарям Даля или Ожегова. По этой и другим причинам в судебной практике (как и в теории) по диффамационным делам существует огромное количество противоречий и разночтений.

Сложившаяся практика свидетельствует о том, что для обеспечения права на частную жизнь одной лишь чести и достоинства

недостаточно. Депо в том, что и в гражданском, и в уголовном судопроизводстве эта защита обеспечивается лишь в том случае, если распространяются сведения, порочащие честь и достоинство или деловую репутацию и *не соответствующие действительности*. Так, ст. 152 Гражданского Кодекса РФ предоставляет гражданину право "требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности". Ст. 129 Уголовного Кодекса определяет клевету как "распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство лица или подрывающих его репутацию". И в том, и в другом случае речь идет о сведениях, *не соответствующих действительности*.

Возникает вопрос, что происходит, если распространены сведения, *соответствующие действительности*, но которые относятся к информации частного характера.

При отсутствии четкого понятийного аппарата происходит смешение и подмена двух взаимосвязанных, но не равнозначных понятий: клеветы и диффамации. Зачастую их используют как синонимы, хотя вряд ли это правомерно. Клевета, как уже было сказано выше, — это распространение заведомо ложных, порочащих сведений. Диффамация (от лат. *diffamare* — разглашать, лишать доброго имени, порочить) означает опубликование в печати сведений, действительных или мнимых, позорящих кого-либо¹. Здесь важны два принципиальных различия: во-первых, то, что диффамация означает именно публикацию (обнародование) сведений, а во-вторых, то, что сведения могут соответствовать действительности. Клевета же предполагает распространение сведений, не соответствующих действительности, как в СМИ, так и другими способами.

Таким образом, становится очевидным, что человек, о частной жизни которого СМИ распространили сведения, *соответствующие действительности*, оказывается незащищенным, а его право (на частную жизнь) — необеспеченным.

Это лишь одна из проблем, возникающих в данной сфере. Незаработанность диффамационного права в отечественном законодательстве влечет ряд других, не менее существенных проблем.

Наиболее ожесточенная война разгорается между журналистами и политиками, различного ранга должностными и выборными лицами, общественными деятелями, связанная с проведением избирательных кампаний. Следует заметить, что в ней нет ничего необычного, и без нее невозможно существование демократического общества. Однако и здесь должны быть свои "правила и обычаи

---

¹ Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988. С. 171.

ведения войны". Большинство звезд отечественного политического небосклона крайне болезненно относятся к малейшим упоминаниям в СМИ о том, чем занимаются их дети и жены, каковы их жилищные условия, как они проводят свободное время и т.п.

Вот один из последних примеров: министр труда и социального развития Сергей Калашников провел 100-й день своего пребывания в должности в казино "Golden Palace", что не прошло незамеченным и было прокомментировано газетами. "Российская газета" вступилась за обиженного министра: дескать, "живем в демократическом обществе", "создается впечатление, будто кто-то заинтересован в его дискредитации", "заказывать ему путь в казино, пивной бар или ресторан — это же ханжество". В заключение заметки автор напомнил: "Кстати, существует статья 23 Конституции. А в ней, грубо говоря, сказано: не лезь в личную жизнь гражданина"¹. Забота о беззащитном министре труда поистине трогательна. Однако можно ли рассматривать приведенные сведения, как носящие частный характер? Имеет ли общество право знать, как проводит время (и как зарабатывает на жизнь) министр, депутат, глава органа местного самоуправления, президент?

Напрашивается вывод о том, что информация о "частной" жизни политиков, должностных и выборных лиц, общественных деятелей, находящихся в центре общественного внимания, не является частной, поскольку в ней заинтересовано общество. Именно общество, а не журналисты, которые доносят эту информацию до общества, являясь его "ушами и глазами". Здесь возникает весьма интересный конфликт между правом на свободу слова, выражения мнения и правом на частную жизнь, но не всех, а лишь весьма специфического круга людей. "Находясь на сцене политического театра, они, естественно, находятся под светом направленных на них софитов, — по словам Алексея Симонова, председателя Фонда защиты гласности, — ... ни одного из них на эту сцену никто не притащил насильно; участь быть на сцене они выбирали сами"².

Ни для кого не секрет, что предъявление исков о защите чести и достоинства используется политическими и общественными деятелями в качестве политических технологий, орудий борьбы с неудобными СМИ или отдельными журналистами, а нередко и как средства (иногда попытки) обогащения. Свои честь и достоинство некоторые лица оценивают в астрономических суммах. Излишне говорить уже о том, что многие политики используют судебные

---

¹ Воробьев А. Ох уж эти злые языки... // Российская газета. 1999. 29 янв. С. 4.

² Симонов А. Выступление на конференции "Защита чести, достоинства и деловой репутации: право и СМИ" // Защита чести и достоинства. Теоретические и практические вопросы. М., 1997. С. 9.

разбирательства по искам о защите чести и достоинства для того, чтобы обеспечить себе публицити.

Более того, предъявление исков о защите чести и достоинства такого рода лицами к журналистам, СМИ влечет за собой опасность для существования демократического общества в целом. Любое подобное дело, проигранное журналистами, угрожает существованию СМИ — в следующий раз они, возможно, поостерегутся обнародовать сведения о "частной" жизни политиков. В американском праве это называется "*chilling effect*" (охлаждающий эффект). Тем самым наносится невосполнимый ущерб осуществлению права на свободу слова и СМИ, поскольку именно СМИ обеспечивают (в той или иной степени) прозрачность функционирования механизмов власти. Таким образом, СМИ должны иметь большую свободу в интересах развития и сохранения демократического общества.

Во многих странах Европы и в США, где право граждан на частную жизнь защищается лучше, чем в России, существует концепция "общественных деятелей", согласно которой право на частную жизнь министров, членов парламента, государственных служащих, а также любых общественных деятелей или лиц, выполняющих общественные обязанности, ограничено.

Возражая возможным оппонентам, замечу, что сказанное не означает, что лица, принадлежащие к этой категории, вовсе лишаются защиты. У них всегда есть закрепленное законодательством право потребовать опровержения сведений. Кроме того, поскольку эти лица находятся в центре общественного внимания, они всегда могут ответить своим критикам и хулителям публично.

Такая постановка вопроса позволяет если не устранить вовсе, то во многом упростить сложности, возникающие при рассмотрении дел о защите чести и достоинства. Речь идет о разграничении факта и мнения (журналиста), что имеет существенное значение. Об этом свидетельствует определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы¹ гражданина А.В.Козырева от 27 сентября 1995 г. Бывший министр иностранных дел заявил, что защита чести и достоинства (в соответствии со ст. 152 ГК РФ) противоречит конституционному положению о свободе слова (ст. 29), поскольку ГК РФ допускает возможность судебного опровержения любых сведений. Между тем ст. 29 Конституции гласит: "Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них". А.В.Козырев считает, что существуют сведения, которые не могут быть опровергнуты в судебном порядке — когда они являются выражением личного мнения и взглядов, что равно-

¹ Жалоба была вызвана начавшимся судебным разбирательством по иску В.В.Жириновского к НТВ и А.В.Козыреву о защите чести и достоинства

значно принуждению к отказу от них. Обосновывая отказ, суд указал, что при "рассмотрении в судах общей юрисдикции дел о защите чести и достоинства подлежит установлению и оценке не только достоверность, но и характер распространяемых сведений, исходя из чего суд должен решать, наносит ли распространение сведений вред защищаемым Конституцией РФ ценностям, укладывается ли это в рамки политической дискуссии, как отграничить распространение *недостоверной фактической информации от политических оценок* (выделено мной. — М.Л.) и возможно ли их опровержение по суду"¹.

К величайшему сожалению, Конституционный Суд не стал рассматривать жалобу А.В.Козырева по существу, что могло бы направить рассмотрение исков о защите чести и достоинства по несколько иному руслу. Тем самым Конституционный Суд оставил проблему разграничения факта и мнения на усмотрение судей, которые редко задаются вопросом, опровергаются ли при разбирательстве дела мнение или факт.

Сведения, сообщаемые СМИ, разделяются на факты и мнения (суждения, оценки, комментарии). Сведения о каких-либо событиях, которые происходили или происходят, могут быть истинными или ложными. Таким образом, можно говорить о соответствии или несоответствии действительности только такой фактической информации. Что же касается мнений, они не могут быть истинными или ложными, правильными или неправильными — какими угодно, независимо от того, нравятся они кому-нибудь или нет. Именно данное право на выражение своего мнения и гарантируется Конституцией РФ (ст. 29). Мнение опровергается в свободной дискуссии, а не по решению суда. Сложность же заключается в том, что суду в каждом конкретном случае необходимо установить, что является фактом и что является мнением. Если же *мнение* выражено в "неприличной форме", наступает ответственность за оскорбление², но никак не за клевету.

Европейский Суд по правам человека в результате рассмотрения жалоб о нарушении права на свободу слова (ст. 10 Конвенции) пришел к выводу, что "следует тщательно различать факты и суждения о ценностях. Наличие фактов можно доказать, тогда как верность суждений о ценностях недоказуема... Применительно к суждениям о ценностях... требование [о доказательстве верности заявления] невыполнимо и ущемляет саму свободу убеждений, являющихся одной из главных составляющих права, предусмотрен-

---

¹ Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 1992—1996. М.: Новый юрист. 1997. С. 497.

² Ст. 130 УК РФ определяет оскорбление как "унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме".

ного ст. 10 Конвенции"¹. Поскольку Россия ратифицировала Европейскую конвенцию, судьи будут вынуждены считаться с этим и подобными ему решениями.

Осуществление права на свободу выражения политических мнений влечет за собой еще одну немаловажную проблему: насколько допустимы оскорбительные высказывания и компрометация соперников при ведении политических дискуссий особенно в период избирательных кампаний? Действительно ли есть необходимость за каждое обидное выражение привлекать к суду политического противника?

Во многих странах мнения не признаются в качестве клеветнических, даже в том случае, если они были выражены в весьма оскорбительной форме. На самом деле трудно себе представить политическую дискуссию (вспомним избирательные кампании), которая обходилась бы без взаимных оскорбительных обвинений и выпадов. Сама по себе дискуссия в свободном обществе предполагает нечто подобное. Дж.С.Милль, основоположник теории "рынка идей" (marketplace of ideas), считал, что право на существование имеют любые мнения (идеи), выраженные в *любой*, пусть даже и оскорбительной или грубой форме².

В решении Европейского Суда по делу Лингенса против Австрии говорится: «Суд должен напомнить, что свобода выражения убеждений... применима не только к "информации" и "идеям", воспринимаемым благожелательно или считающимися нейтральными, но и к тем, которые обижают, шокируют или раздражают государство или какой-либо слой общества. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты мышления, без которых нет "демократического общества"³.

Разумеется, все сказанное выше отнюдь не означает, что в пылу словесных баталий политические противники могут оскорблять друг друга до бесконечности и делать это в самой грубой и "неприличной" форме. Тем не менее до некоторой степени (но лишь до некоторой) оскорбительные выражения могут быть допущены, особенно во время избирательных кампаний. Более того, скандальные судебные разбирательства соперников создают им политическую рекламу. Такое допущение представляется тем более необходимым, что в России вопросы, связанные с политической рекламой (что также защищается правом на свободу слова), не регулируются ни одним законодательным актом. Тем самым снимается вопрос, который в

---

¹ Дженис М., Кай Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека. М., 1997. С. 214.

² См.: Mill J.S. On Liberty and other Writings. Cambridge University Press, 1995. P. 21—25.

³ Ibid. P. 212.

последнее время стоит достаточно остро и, видимо, обострится еще сильнее с приближением предвыборных гонок, а именно вопрос о деловой репутации политических партий.

Ст. 152 ГК позволяет требовать по суду опровержения сведений, которые могут порочить не только честь и достоинство (что относится к физическим лицам), но и деловую репутацию (что относится и к лицам юридическим). Когда речь идет о банке или фирме, то здесь более или менее понятно, как может быть нанесен ущерб деловой репутации, и как доказать это. Однако вопросы возникают, когда политическая партия (или движение) обращается с иском в суд о защите своей деловой репутации. Можно ли вообще говорить о деловой репутации политической партии? Например, печально известная организация Русское национальное единство (РНЕ) в различных городах России предъявляла иски о защите деловой репутации, когда журналисты называли членов РНЕ "фашистами". Во многих случаях, судьи выносили решения в пользу РНЕ. Насколько правомерно в подобных случаях говорить о деловой репутации политической организации (партии, движения)?

В сущности, подобные решения нарушают право журналистов на выражение своих мнений, комментирование ситуации, ее оценки, наконец, их правообязанность информировать общество и в то же время право общества, всех нас на информацию о том, что происходит в стране. Это не означает, что политическая партия (организация, движение) не должна обладать правом на защиту своей деловой репутации, но право это должно быть ограничено таким образом, чтобы не нарушалось *конституционное* право на свободу слова и СМИ.

По существу, в переплетении, пересечении публичного и частного столь своеобразно отображаемого (изображаемого) СМИ хорошо виден конфликт двух прав: права на свободу слова и на неприкосновенность частной жизни. В каждом конкретном случае суд должен установить, какое право обладает приоритетом перед другим. Нельзя сказать, что право на свободу слова, особенно право на свободу выражения политических мнений, пользуется безусловным приоритетом в силу своей значимости для демократического общества, в то время как право на неприкосновенность частной жизни не столь существенно, поскольку в глазах россиян представляет собой меньшую ценность. Для того чтобы избежать произвола со стороны СМИ (который возможен так же, как и любой другой произвол), злоупотреблений свободой массовой информации необходимо не только ограничение права власть предержащих, но и регламентация осуществления права на свободу массовой информации.

Речь идет о так называемом "содержательном регулировании" или "стандартах содержания программ", которые существуют практически во всех европейских странах. Э.Барендт, основоположник права СМИ, считает, что установление стандартов содержания программ является сердцевинной правовой регуляцией телевидения и радиовещания¹. Стандарты содержания программ устанавливаются в первую очередь для защиты интересов зрителей и слушателей. Зрители и слушатели (т.е. общество) заинтересованы в сбалансированном разнообразии программ, защите несовершеннолетних от показа сцен насилия и порнографии, запрете использования ненормативной лексики, в объективном, беспристрастном, всестороннем и достоверном изложении информации и т.п. Установление подобных стандартов не имеет ничего общего с цензурой и не посягает на ограничение права на свободу слова. Излишне напоминать, что пропаганда насилия, порнография, ненормативная лексика, оскорбление этнических или религиозных чувств людей не подпадают под защиту права на свободу слова и преследуются по закону в любой демократической стране.

Регламентация осуществления права на свободу массовой информации вовсе не требует немедленного принятия законодательного акта, в котором должны быть четко прописаны все стандарты, а любое отклонение от них будет рассматриваться как преступление. Более существенное значение в этом контексте имеет саморегулирование СМИ, создание кодексов профессиональной этики, поведения журналистов. Посредством установления профессиональных этических норм происходит самообязывание, самоограничение. Этот рецепт также не может иметь универсального характера. Всегда существовали и будут существовать сплетни, слухи, скандалы, питающие СМИ, и во многом ради которых мы и покупаем газеты или смотрим телепередачи. Однако без такого самообязывания, самоограничения не будут работать никакие законодательные положения, какими бы страшными карами они не грозили нарушителю. Самоустановление профессиональных этических норм не даст журналисту возможности вмешиваться в жизнь частных людей, но это же заставит его/ее обнародовать сведения о жизни должностного лица, представляющие общественный интерес и важность. Это также позволит отодвинуть "желтые СМИ" в резервацию, отделить "овец от козлий".

Банально сказать, что СМИ формируют общественное мнение, отражают и выражают его. Почему же тогда они так сильно пугаются, увидев в зеркале собственное отражение?

¹ *Barendt E. Broadcasting Law A Comparative Study Oxford' Clarendon Press, 1993. P. 96.*